

Тема деревни в очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка «Все мы хлеб едим...»

«Второй литературный дебют»¹ Д. Н. Мамина-Сибиряка, который относится к 1881–1882 гг., когда писатель уже нашел свою особую форму повествования, подарил читателям талантливые, самобытные рассказы и очерки: «Варваринский скит» (1881), «На Чусовой» (1881), «В камнях...» (1881), «Сестры» (1881), «Все мы хлеб едим...» (1881), «На рубеже Азии» (1881), «Искорки» (1882). Произведения эти не так хорошо известны широкому читателю, но темы, поднятые в них, по сей день являются актуальными. Создавались эти короткие произведения сравнительно быстро. Очерк «Все мы хлеб едим...» был опубликован в 1882 г. в журнале «Дело», № 5. Сохранилась первоначальная редакция этого очерка под названием «Неудача. (Из путевых заметок)» (см.: [5, с. 906]). Позднее с таким же названием появится совсем другой рассказ писателя.

Задача данной статьи – выявить позицию Д. Н. Мамина-Сибиряка по отношению к современной ему деревне и городу на примере очерка «Все мы хлеб едим...», а также, проанализировав образы персонажей и описание ландшафта, определить позицию автора в отношении к изображаемой картине жизни. Как известно, мировоззренчески Мамин во многом был близок к народникам, которые видели в деревне единственное спасение, но во всем ли он был согласен с ними?

Как отмечал Г. К. Щенников, «Произведения Д. Н. Мамина начала 80-х годов ... тяготеют к жанру повести, однако сам писатель называет их очерками <...>. Такое жанровое определение указывало на достоверность, документальность, подлинность событий» [5, с. 890]. Следует напомнить, что «второй дебют» писателя приходится на годы реакции – сложную историческую эпоху: в марте 1881 г. убит царь Александр II, давший волю крепостным; последовавшие за этим события колоритно описаны в одном из «Уральских рассказов» Мамина – «В худых душах» (1882). «Внимание писателя привлечено, прежде всего, к важнейшему духовному процессу – к прозрению народа, к осознанию им “обмана”, жертвой которого он стал уже после крестьянской реформы, в ходе “освобождения”» [5, с. 893], – характеризует этот этап творчества Мамина Г. К. Щенников.

¹ См. об этом: [5, с. 876].

Популярная для 1870–80-х гг. идея формулируется автором в начале V главы очерка «Все мы хлеб едим...»: «Той идеальной деревни, описание которой мы когда-то читали у наших любимых беллетристов, не было и помину: современная деревня представляет арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремления и инстинкты. Перестройка этой ... классической деревни, с семейным патриархатом во главе ... совершается на наших глазах» [3, с. 140]². Эта цитата является ключом к пониманию одной из главных идей очерка – идеальной деревни нет, так же как нет идеального крестьянина и крестьянского труда.

Сюжет очерка «Все мы хлеб едим...» прост: городской житель, интеллигент, вместе с приятелем Павлом Ивановичем Сарафановым приезжает из города отдохнуть в обычную уральскую деревню Шатрово. В центре повествования – деревенская интеллигенция: священник отец Михей, попадья (жена отца Михея), Лекандра (один из сыновей отца Михея), капитан Гордей Федорович и его дочь Тоня. Представителей крестьянского населения в очерке крайне мало, об их судьбе и проблемах мы узнаем только по рассказам основных персонажей.

Один из центральных героев очерка Лекандра – человек противоречивый и неоднозначный. Главная цель его – «упроститься», вести натуральное хозяйство, отказаться от материальных благ, от науки, медицины. Лекандра пашет землю, бросил университет на третьем курсе и поступил в Шатрово сельским учителем. Примером для подражания стал его товарищ по семинарии Африкан Неополимов, который, проучившись восемь лет, ушел из семинарии и стал «мужиком».

Примечательно, что в рукописной редакции (рассказ «Неудача») Мамин-Сибиряк дает Лекандре фамилию Световостоков. В окончательном тексте фамилия учителя не упоминается. Лекандра с озлоблением критикует городскую жизнь, городское общество, наибольшую агрессию вызывают у него доктора: «Возьмите доктора, что он делает? Ведь он шарлатанит из ста случаев в девяносто девяти» [с. 130]. Точка зрения Лекандры совпадает с мнением героя Л. Н. Толстого – Константина Левина, который также считал, что доктор, в общем, и не нужен: «Доктора и пункта мне не нужно <...> я никогда не обращаюсь к нему и не обращаюсь» [6, с. 267].

² Далее очерк «Все мы хлеб едим...» цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

Показателен диалог Лекандры и рассказчика-интеллигента в III главе очерка, где звучит тема противостояния города и деревни: «— Одного не могу понять: зачем это люди лезут в эти города. <...> Какой-нибудь чиновник замурует себя в гнилую квартиру и пьет здесь горькую чашу, пока господь не приберет грешную душу.

— Что же в деревне делать?

— Если взять наше Шатрово, здесь еще жить можно» [с. 129–130].

Часто встречающийся в произведениях Мамина-Сибиряка образ деревенского священника описан в традиционной иронической форме, характерной для XIX в.: «Грешная плоть отца Михея представляла нечто совершенно особенное, вроде тех наливных яблок, которые вот-вот расколются, только пошевели пальцем» [с. 133–134]. Калерия Валерьяновна, попадья, тоже не олицетворяет привычный образец смирения и скромности, присущих жене священника. Герой-рассказчик замечает: «До этого времени мне ни разу не случалось видеть матушек с папиросами» [с. 135–136]. Примечательно, что в данном очерке деревенские жители стремятся жить как городские (например, попадья), а в полной мере вкусивший петербургской жизни Лекандра видит в деревне единственное спасение. Между современной писателю деревней и городом стирается четкая грань: теперь общественные события в деревне проявляются даже явственнее, чем в городе, и в деревне «тоже цивилизацией пахнет» [с. 122].

Павел Иванович Сарафанов — герой, во многом предвосхитивший образ Остапа Бендера. «Неудачи только воодушевляли его, и он с каким-то болезненным напряжением энергии переходил от одной спекуляции к другой» [с. 117]. В рукописной редакции очерка (рассказ «Неудача») у Сарафанова другая фамилия — Четвертаков, но характер героя тот же. В ранней редакции, помимо существенных текстовых отличий, называется город, из которого ехали в деревню герои, — Екатеринбург. Очевидно, что Сарафанов выступает здесь в качестве проводника. Прием введения образа проводника известен еще со времен фольклорного эпоса. Но Сарафанов — и яркий представитель цивилизации, он очень рад тому, что «подвели железную дорогу», что «обстраивается город» [с. 119]. Лекандра употребляет словосочетание «цивилизация Сарафанова» [с. 129], поскольку Сарафанов — городской человек и рассматривает деревню только как место для собственных выгодных проектов, которые могут принести деньги.

Своеобразен лексикон Сарафанова — он придает иностранным словам свой собственный смысл. «Наивно» — в переводе значило «серьезно»; в этом же значении он употреблял слово «сентиментально»;

«хаос» надлежало переводить – «глупость» [с. 117] и т. д. Своих героев Мамин часто характеризует, создавая неповторимые речевые портреты. Чаще всего герои употребляют либо слова-паразиты, либо устойчивые словосочетания.

Помимо многочисленных проектов у Сарафанова есть одно весьма важное дело в Шатрово, ради которого он и приехал. Государство обмануло башкир, и Сарафанов решается отстаивать их права, рассчитывая на денежное вознаграждение [с. 153]. К тема расхищения башкирских земель интересовала не только Д. Н. Мамина-Сибиряка: его современник Г. И. Успенский не раз обращался к этой проблеме. Например, в его рассказе «Вольные казаки» (1877) читаем: «Расхищение миллионов десятин башкирских земель не подлежит сомнению, и всякий, познакомившийся с этим делом подробно, может только удивляться необычайной живучести “добрых молодцев” и их молодецких идей, ... с помощью которых они въявь и воочию сумели совершать дела, исполненные самого образцового беззакония» [7, с. 372].

Мы не случайно упомянули Г. И. Успенского, поскольку его основные идеи и идеи Мамина-Сибиряка во многом схожи: это касается проблем крестьянина и крестьянского труда, многогранного крестьянского характера и противоречивой сущности самой деревни. Успенского не раз обвиняли в том, что он «клеветает на народ» и изображает деревню «такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается стать от нее подальше» [7, с. 19].

Часть деревни Шатрово разорена капитаном Гордеем Федоровичем: он сдает в аренду землю крестьянам по немыслимой цене, а «деньги посылает в Петербург сынку-гусару» [с. 148]. Образ разорителя и угнетателя крестьян совсем не вяжется с «карманным» [с. 139] образом старика, доживающего свой век. Вместе с тем, положение крестьян становится все сложнее, они понимают, что их обманули и «на веки вечные времена в разор привели» [с. 143].

Г. И. Успенский справедливо отмечал в очерке «Народная интеллигенция» (1882): «Народная душа опустошена и, пожалуй, ожесточена, так как труд – уже не труд и жизнь одновременно, а только труд» [7, с. 224]. Было время, когда крестьянин или крестьянка работали и жили одновременно, – вспоминает Успенский уже в другом рассказе – «Выпрямила» (1885). Герой-рассказчик «засмотрелся на одну деревенскую бабу, которая ворошила сено; вся она ... не работала, а жила в полной гармонии с природой, с солнцем, ветерком, с этим сеном, со всем ландшафтом, с которым были слиты и ее тело и ее душа» [7, с. 254].

В очерке Мамина видно, что «классическая» патриархальная деревня претерпевает существенные изменения. Нет идеализированной деревни, «воспетой беллетристами» [с. 140], но нет и страшной деревни Подлипной из очерка Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» (1864). Как справедливо говорит Лекандра, «деревня деревне рознь» [с. 129], и по одному примеру нельзя судить о деревне в целом. Эти слова подтверждаются замечанием одного из шатровских крестьян: «Вон у шаблинских али у болтинских – все по-божескому сделано» [с. 143]. Деревенские пейзажи, которые всегда хорошо удавались писателю, и в этом очерке даны очень колоритно: «Всякий, кто видал бесконечные равнины, тощие поля, болотины и убогие деревеньки средней России, взглянув на Шатрово с высоты, на которой теперь был наш коробок, вздохнул бы свободнее <...> Это была красивая картина: необозримая ширь полей волнами уходила на восток и тонула где-то далеко-далеко в синеватой дымке горизонта; на западе замыкали картину ряды холмов, покрытых лесом» [с. 123].

Как было уже сказано, в первоначальном варианте очерк назывался «Неудача» (1881). Название это, прежде всего, отражало неудачную попытку интеллигента «упроститься», «стать мужиком». Конечно, слово «упроститься» в данном очерке напрямую связано с идеологией «опрощения» Л. Н. Толстого, который вкладывал в это понятие отречение от цивилизации и возвращение в деревню, к земле. Считается, что в этом смысле слово «опрощение» было впервые употреблено Толстым в «Исповеди», первопубликация которой состоялась за границей в 1884 г. [1], хотя сами идеи опрощения появились гораздо раньше. Идеи эти были очень популярны среди интеллигенции того времени, и литературные герои Толстого в той или иной мере практиковали «опрощение». Так, герой Толстого, его альтер эго, Константин Левин, тоже стремился приобщиться к крестьянскому миру, крестьянскому труду: жил уединенно в деревне, косил траву с мужиками и в порыве мечтаний хотел жениться на крестьянке. Но полного слияния с крестьянским миром ему достичь не удалось. Тем не менее, Левин мыслит и рассуждает о народе и крестьянстве справедливее, нежели его сводный брат-философ Сергей Кознышев, который знает народ только по книжкам и рассказам философов-интеллигентов. Кознышев философствует о народе и крестьянстве точно так же, как народники, не понимая сути противоречий крестьянства. «Константину Левину было в деревне неловко с братом. Ему неловко, даже неприятно было видеть отношение брата к деревне. Сергей Иванович говорил, что он любит и знает народ, и часто беседовал с мужиками, ... и из каждой такой беседы выводил общие данные в пользу народа и в доказательство, что знал этот народ» [6, с. 264].

Популярность идеологии «опрощения» подтверждается мыслью Г. И. Успенского в очерке «Из деревенского дневника» (1879): «Никогда русская деревня не пользовалась в такой степени благосклонным вниманием образованного русского общества, как в настоящее время. Одни, убедившиеся в бесплодности своего интеллигентного существования ищут под соломенными крышами недостающее им общество <...>. Другие полагают найти под теми же крышами нечто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть не для всего человечества, погибающего от эгоистически направленной цивилизации. Третьи интересуются ею просто с эгоистической точки зрения, стремясь доподлинно знать, что именно можно взять у деревни для улучшения своего интеллигентного существования» [7, с. 17–18]. Думается, что маминский Лекандра в большей степени мог бы относиться ко второй – по классификации Успенского – группе интеллигентов. Но временами складывается впечатление, что стремление маминского героя «упроститься» есть чисто эгоистическая потребность.

И. А. Дергачев отмечал: «Лекандра ... не возмущается, и не протестует, не вносит никаких проектов “улучшения” мужицкой жизни» [2, с. 37]. Как говорит сам Лекандра «упроститься, как Неопалимов, у меня пороку не хватило» [с. 131]. К тому же в финале очерка мы узнаем, что Лекандра женился на дочери капитана Тоне, а значит, до конца «упроститься» ему вряд ли удастся. По его же словам, интеллигентная женщина и является главным препятствием на дороге к «упрощению»: «Упротиться-то я, пожалуй, совсем упростился, а когда дошло дело до бабы, – вот тут вся эта дрянь, которая накопилась в душе, и дает себя чувствовать. И себя загубить можно, и другого человека... Ну, возьмешь деревенскую девку, а потом вдруг скучно покажется с ней век коротать, – все-таки большая разница. А может быть, она будет счастливее за настоящим мужиком» [с. 132]. Мысль Мамина-Сибиряка о том, что разность сословий мешает семейному укладу, неоднократно встречается в рассказах и очерках разного периода. Например, неудачную попытку соединения интеллигента и крестьянки мы наблюдаем в рассказе «Первые студенты» (1887). Сожительство студента-интеллигента Михаила Рубцова с красавицей крестьянкой Солонькой заканчивается трагедией – самоубийством героя из-за неверности супруги. Крестьянка, лишившаяся главного дела своей жизни – труда, медленно деградирует в атмосфере праздности и довольства. «Соломонида Потаповна скучает оттого, что в ее жизни произошел слишком резкий переход от тяжелой работы к безделью... Она слишком здорова и сильна для умственного труда, а ей необходима ручная работа, чтобы не сойти с ума» [4, с. 75]. Точно такую же мысль

мы находим в рассказе Г. И. Успенского «Власть земли» (1882). Писатель отмечает: «Вот почему так противны те из крестьян, которые вылезли к деньгам, отделились от труда, живут на готовое: скучнее, пошлее этой жизни трудно себе представить» [7, с. 216].

Несомненно, очерк «Все мы хлеб едим...» мог стать полноценным романом, который бы отразил противоречивую суть деревни, совершенно иначе понимаемую народниками. Как справедливо отметил исследователь А. П. Ланщиков: «Ошибка народников состояла в том, что они и на мужика и на хищника-капиталиста смотрели чаще всего как на абстракции, вне возможной их эволюции в настоящем и будущем» [7, с. 19]. Новаторство Мамина-Сибиряка заключается в том, что он изображает деревню не абстрактно, как делали это народники, зачастую идеализируя мужика и крестьянский быт, а объективно, обнажая многие противоречия, связанные с деревенским укладом. Не идеализирует писатель и городской уклад; думается, что умозаключения Лекандры о городе в большей степени выражают взгляд самого автора. Ландшафтных описаний города в очерке крайне мало, но существенно замечание в последней главе: «осенью город несравненно лучше самой красивой деревни» [с. 157] – и, тем не менее, писатель не отдает полного предпочтения ни деревне, ни городу.

Естественно, новаторство Д. Н. Мамина-Сибиряка в этом вопросе следует признать с определенной долей условности, поскольку и Г. И. Успенский, и Л. Н. Толстой опередили его на несколько лет, выразив схожие взгляды. Но это не отменяет серьезности и актуальности проблем, поднимаемых писателем в очерке. Резюмируя, главные мысли произведения обозначим так: противостояние города и деревни обусловлено объективными причинами и будет всегда; интеллигент никогда не сможет окончательно «упроститься» и стать «мужиком», он может лишь отчасти приобщиться к народному крестьянскому миру. Несмотря на то, что автор не дает ответов на все поставленные вопросы, общечеловеческие и нравственные стороны жизни в деревне и городе наглядно представлены в его небольшом характерном очерке. В завершение добавим, что тенденции и идеи произведений Мамина «второго дебюта» в последствие нашли отражение и дальнейшую разработку в поздних его сочинениях.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Простота и опрощение // Л. Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей

и исследователей. СПб. : Изд-во Рус. Христианск. гуманитар. ин-та, 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/text_0120.shtml (дата обращения: 15.12.2016).

2. *Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов. Новосибирск : СО РАН, 2005. 283 с.

3. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Очерки и рассказы 1880–1883 гг. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 445 с.

4. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Уральские рассказы : в 2 т. Т. 2. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. 447 с. (Урал. б-ка ; вып. 2).

5. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1 : Художественные произведения 1875–1882 гг. / под общ. ред. Г. К. Щенникова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 911 с.

6. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : в 22 т. Т. 8 : Анна Каренина. М. : Худож. лит., 1981.

7. *Успенский Г. И.* Власть земли. М. : Сов. Россия, 1988. 400 с.

Е. В. Гаева (Курган)

Вадемекум¹ Мамина-Сибиряка (очерк «На кумысе»): из опыта комментированного чтения

В 1888 г. в журнале «Русская мысль» был опубликован очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка «На кумысе» с подзаголовком «Из летних экскурсий».

В тексте можно найти интереснейшие зарисовки быта кочевых киргизов конца XIX в., например, особенности их национальной одежды: «Киргизские девушки носят серые мерлушковые шапки, а женщины повязывают голову длинным белым покрывалом» [2, с. 166].

А вот так начинается подробное описание (с привлечением большого количества экзотизмов) летнего жилища зажиточного киргиза: «Снаружи кош Баймагана имел вид громадной тюбетейки, из новой серой кошмы, сажени три в диаметре и сажени две высоты. Верх составлял деревянный круг (чанарак) с отверстиями, в которые вставлены были плоские и выгнутые деревянные крестовины (ууки), образовавшие, как ребра,

¹ Вадемекум (лат. *vade mecum* – «иди со мной») – путеводитель.